

Полусон-полубред в очередной раз прерывает волна тепла, исходящая от коричневых когтистых рук, которая смывает жар и уменьшает судороги. Под мерное бормотание какого-то существа со знакомо-незнакомым лицом выпиваю поднесённую чашу с каким-то резко пахнущим горьким отваром, закрываю глаза, вновь погружаясь в сумбурные воспоминания...

Тело нещадно колело, как будто отлежал его всё, мышцы непроизвольно сокращались, вызывая порой довольно болезненные судороги, а в голове, помимо моих, были воспоминания кого-то другого.

Первую панику и ненужные рефлексии перекрыла телесная боль, заставив цепляться за существование вместо накручивания себя и поисков ответов на то, кто виноват и где я. Сознание, привыкшее к обработке больших потоков информации, столкнулось с необременённым высокими технологиями разумом и почти проиграло. Несмотря на простоту их быта, жизнь орков (а чужие воспоминания принадлежали именно представителю этой расы) была не менее насыщенной, чем у представителей высокоразвитой цивилизации. То, что для нас являлось мелочью, отфильтровываясь как ненужный шум, — направление и сила ветра, облака и прочие сигналы погоды, крики птиц и даже стрекот насекомых — помогало им сохранить жизнь, определить, где лучше охотиться или как глубоко копать, чтобы добраться до воды.

Редко кто из нас знает своих соседей, а Аргнак так или иначе знал всех из ста двадцати семи взрослых своего племени, и это не считая подростков от шести лет. Имя реципиента болью отдалось в моём сознании — я не помнил, как зовут меня. Новые и новые подробности жизни грозили растворить моё «я». Это не было похоже на борьбу, скорее, на столкновение двух встречных потоков. Осознавать себя одновременно взрослым человеком и молодым орком, когда сбор ягод с куста наслаивается на поездку в автобусе, было слишком шокирующе. Многие события бытия орком были ярче и сильнее моих серых будней, обесцвечивая те ещё больше, но память постепенно стабилизировалась, раскладывая и разделяя поступившую информацию.

Отвар с резким вкусом и запахом начал своё действие, затуманив разум, позволяя вновь провалиться в спасительное для меня забытё.

Хатгаут осмотрел затихшего ученика. Жар почти спал, а корчи унялись, дело явно пошло на поправку. Душа наконец пришла в гармонию с телом и перестала заполошно трепетать, как затухающий огонь на ветру. Молодого ученика шамана, едва живого, соплеменники нашли два дня назад недалеко от стойбища и принесли к его учителю. В своём шатре старый шаман возжёт травы в горшках, окуривая Аргнака дымом, чтобы больной не распространял заразы, но кашля не было. Скорей всего, он чем-то отравился, на что указывала рвота в начале болезни. Посидев ещё возле больного, он воздал хвалу духам и отправился полежать — старость начинала брать своё, как и две бессонных ночи.

Пробуждение не было внезапным и, в отличие от предыдущих, на этот раз боли не было. Наконец-то внутренности не пылали огнём, а перенапряжённые мышцы не стремились порвать связки и сломать кости. Вставать я не спешил, лёжа с закрытыми глазами и разбираясь в произошедших со мной изменениях. Момент попадания я не помнил, как и своей

предполагаемой смерти. Был ли это сбой реинкарнации или других вселенских законов? Ведь никакие высшие сущности не предлагали мне миссий по спасению мира и не одаривали великими дарами и плюшками, способствующими выполнению этой миссии...

А ведь проблемы у мира, в котором я оказался, обещали вскоре начаться. Мир этот (как, к счастью, знал мой реципиент) носил название Дренор и был знаком мне ещё по прошлой жизни. С одной стороны, это позволило узнать, куда я попал, ведь миров с орками было описано много, с другой — жизнь обещала быть трудной и опасной. Особым фанатом Варкрафта я не был, а потому моё вселение в одного из обитателей данной вселенной вызывало много вопросов, на которые не было ответов.

Ладно, раз уж я здесь, надо попробовать определить, в каком временном промежутке я оказался. Память услужливо подсказала значимые имена. Как выяснилось, Нер'зул по-прежнему верховный шаман, и с дрениями мы пока не воюем.

Уличить его в обмане?

Во-первых, кто мне поверит? Я — малолетний ученик захолустного шамана из далеко не самого многочисленного племени, а Нер'зул — великий мудрец, почитаемый всеми орками Дренора. А во-вторых, если не сработает план Кил'Джедена расправиться с дрениями руками орков, он призовет Пылающий Легион, и я вряд ли выживу, как и всё население этого мира. Конечно, можно помереть и сражаясь с дрениями или людьми в Азероте, но там у меня, по крайней мере, появляется шанс, хоть и небольшой, на дальнейшую жизнь.

Кроме того, только пройдя весь этот путь, орки стали той силой, которая смогла противостоять демонам в Третьей Войне. Только вторжение Орды превратило аморфное образование из вечно грызущихся мелких королевств в тот самый Альянс Лордерона, без уничтожения которого Легион не решался на вторжение. И только закалившись в горниле войны с орками, Азерот смог второй раз остановить вторжение и уничтожить одного из главнокомандующих Пылающего Легиона. Боже... Да с действиями Орды связано столько в истории этой вселенной, что и перечислять умаешься, одно только возвращение полных сил Аспектам чего стоит, а ведь без орков, поработивших Алекстразу, оно в принципе невозможно! Значит, буду готовиться и копить знания, повышая свои шансы на успех.

Перебираю знакомых орков, что могли бы заметить произошедшие со мной изменения, но оказывается, что таких немного. Полтора месяца назад родители погибли на охоте, а около месяца назад духи предков сказали старшему шаману Хатгауту привести меня осенью на священную гору. Такие визиты говорили о том, что удостоенный внимания предков сам станет шаманом. Из оставшихся близких родственников была сестра, а от дальней родни я переехал в шатёр учителя, где теперь помогаю вести хозяйство и постигаю непростое ремесло шамана. Духовных практик до инициации не будет, но зато приходится зубрить наизусть рецепты трав и настоек, как и признаки болезней, от которых они помогают.

Вслушиваюсь в окружающую обстановку. Слышу чьё-то мерное дыхание, потрескивание углей и приглушённый гул голосов с улицы. Нос приносит запах дыма, сборов трав и кожи, всё это было фоном, привычной обстановкой, к которой привыкаешь, но для меня после слияния было внове, а потому осознавалось. Потянувшись, встаю, кроме чувства голода никакого дискомфорта не испытываю. Оглядываю знакомый шатёр учителя, рассматриваю подвешенные на просушку пучки трав, немногочисленную утварь и плетёный ларь с главным сокровищем — книгами и пергаменами с рецептами. Заметил и свёрток со своими вещами, как руки дойдут, надо будет разобрать.

— Учитель — зову Хатгаута, лежащего на шкуре с другой стороны очага.

— Очнулся, наконец-то, — произнёс он, поднимаясь.

— Рассказывай что помнишь. Где был, что ел? — седой орк, поглядев на меня, свернул постель, освобождая место в шатре.

На фразу о еде мой желудок отреагировал громким бурчанием, но я не смутился, пытаюсь вспомнить день моего вселения.

— Всё как обычно, ничего незнакомого не ел, а на обед у меня была полевая крыса.

— Пил из реки или как?

— Рядом был ручей, воду из него брал.

— В следующий раз бери с проверенных источников, а лучше кипяти, чему я тебя учил? — ворчал Хатгаут, осматривая меня со всех сторон, после чего заварил цветы дассана на мясном бульоне и протянул мне получившееся питьё.

Горячий отвар хорошо утолил первый голод, распространяя тепло изнутри, после чего я вышел из шатра проветриться — запах тлеющих трав, казалось, вёлся до самых костей.

— Отдохнёшь сегодня, а завтра сходим к тому ручью, проверим что с ним, — донеслось мне вслед.

Шагая между развёрнутых шатров, кивками приветствую встречающих орков. В памяти всплывали их имена и места в иерархии. День был в разгаре, а потому на стоянке остались только орчанки с детьми и немного охотников. Шёл обычным шагом, желая отойти подальше от стойбища и привести в порядок мысли. Солнце приятно грело кожу, ветерок приносил свежие запахи разнотравья, а земля приятно пружинила под кожаными подошвами. Большинство детей ходили босыми, слишком уж быстро растут, малый вес и мозоли берегли их ноги от повреждений.

Опустив руку на пояс, извлёк нож — подарок отца на шестилетие, первое серьёзное оружие, вручаемое только тогда, когда орченок считается достаточно взрослым, чтобы ему доверить ценную вещь. Погружаюсь в воспоминания, вспоминая тот день и восторг, радостный клич и удары, повергающие «добычу». Были после и другие ножи, но только для работы по хозяйству и резьбе по дереву и кости. Устроившись на вершине холма, вспоминаю проведённые вместе дни. Несмотря на интенсивную учёбу и время, уходившее на сбор съедобных трав и корней, времени на игры было много.

Поднимаюсь, мешанина мыслей требовала разрядки, ускоряю шаг и перехожу на бег, следя за своими ощущениями. Неизбежные диспропорции тела не стали преградой, новая моторика легла как родная, наработанные рефлексy тоже отзывались. Споткнувшись о пучок травы, выровнял бег, не упав. Пробежал уже больше километра, но одышки нет, непрокуренные лёгкие и тренированные мышцы, привычные к долгим переходам, давали о себе знать. Новые возможности мне определённо нравились. Старую жизнь уже не вернёшь, и чем быстрее я освоюсь с новым окружением, тем лучше устроюсь здесь.

Впереди показалась роща олембы, и там определённо кто-то был. Три орчанки собирали

быстро густеющий сок из надразов, складывая смолистые наплывы в корзинки. Перейдя на стелющийся над землёй шаг, присел за кустом, наблюдая за ними. Похоже, кроме воспоминаний и навыков мне передались и эстетические вкусы расы орков, добавив к понятиям о женской красоте и орчанок. А посмотреть было на что — летние наряды, эдакий раздельный «купальник», пояс с ножнами и меховые полусапожки из тонко выделанной шкуры. Ворс коротко острижен, а сами вещи подогнаны так, что повторяют все изгибы тела. Стройные фигуры, приятные глазу выпуклости на нужных местах и провокационное поведение.

«Не замечая» меня, девушки продолжали собирать сок, тихонько переговариваясь, пересмеиваясь и иногда излишне грациозно двигаясь, оттачивая на мне своё очарование. Тоже «не замечаю», что замечен, любясь их представлением. Раньше «я» боялся подойти к ним, изменения, происходящие с телом и психикой, были новы и непонятны, хотя секретов во взрослых взаимоотношениях не было. Сейчас же подростковая стеснительность мне не мешает, потому, наглядевшись, подхожу ближе.

— Приветствую, красавицы! Угостите будущего великого охотника и шамана сладкими дарами природы?

— Сильногоучий охотник уже оправился от ран? — подала голос Бьюкигра, главная острословка клана. — Говорят, прежде чем пасть, он расправился с целым гронном!

Раньше осадить нахалку никогда толком не получалось, слишком хорошо она язвила, выворачивая слова, да и просыпающаяся тяга к противоположному полу делала своё дело, потому подыграю ей.

— Не совсем, этот был слишком крупным, но сок олембы из рук самой красивой девушки исцелит их навсегда, — после чего поворачиваюсь к краснеющей Кайнати, слегка отвернувшей лицо. Та, оценив комплименты и шутку, повернулась ко мне и, достав из корзины кусок застывшего сока, протянула мне.

— С каких же пор невеста первой делает подарки? — желая оставить за собой последнее слово, продолжила Бьюкигра, впрочем, не заставив ту убрать сок обратно.

— Завидуешь! — быстро парирую я.

— Было бы чему! — не остаётся та в долгу.

— Посмотрим, что заговоришь на осеннем кош'харге.

Попрепившись с ней ещё немного, я поблагодарил Кайнати и отправился по своим делам. Ничто так не поднимет настроение, как вкусная еда и беседа с прекрасной половиной орочьего племени, а привычные действия позволят унять сумбур в мыслях. Перекусив, продолжаю путь, выслеживая полевых крыс и мелких птиц. Тело машинально повторяло привычные действия, по пути я не гнушался срывать съедобные травы или поймать жука-другого, хрустя хитином на зубах. Новый рацион не вызывал отторжения (разве что самую малость) у моей части, не избалованной восточными деликатесами. Впрочем, рацион орков на фоне некоторых стран вполне привычен и понятен — ешь всё, что можно есть.

Найдя целую колонию полевых крыс, перекрыл отнорки, по которым добыча могла ускользнуть, и принялся копать до главной норы. Загнанные в угол животные опасны, но благодаря ножу и быстрой реакции успел убить тройку, прежде чем остальные разбежались. Освеживал на месте, избавляясь от внутренностей, шкурки снимаю в шатре. Недалеко была ещё добыча, но прозапас летом лучше не охотиться, пищи и так достаточно. Вернувшись домой,

развернул шкуру со своими вещами, доставая немногочисленные памятные и необходимые предметы. Из ранних были железные резцы, плетёные браслеты и ожерелье, сделанное из вырезанных из дерева клыков — каждый орчёнок в детстве делает такие, представляя себя удачливым охотником.

Перебираю вещи, каждая делится своим воспоминанием, поднимая множество ассоциативных цепочек. Была тут и парочка старых пергаментов, отданных мне учителем, чтобы тренировался в письме. Несмотря на то, что грамоте обучали только детей вождя, кузнеца или шамана, проблем с почерком у меня не было, как, впрочем, и у любого другого орчёнка. С детства занимаясь сбором корней и ягод и работая по дереву и кости, хорошо развиваешь мелкую моторику рук.

Сняв с крыс шкурки, поставил мясо вариться, а сам пока занялся выделкой, вспоминая, как помогал матери разделывать принесённую с охоты добычу.

Незадолго до этого в шатре шамана

Проводив взглядом уходящего ученика, Хатгаут покачал головой и задёрнул полог. Хождение по грани меняет орков, но его ученик изменился слишком сильно, ему, как живущему рядом, это было виднее всех. Прожил тот у него недолго, но старик успел привязаться к любознательному подростку, с восторгом изучающему всё новое. Сейчас же глаза молодого орка будто затянуло льдом, в его словах и жестах чувствовалась отчуждённость, даже биение жизни слегка изменилось. Бывало, болезнь, отпустив тело, отравляла разум, делая из нормальных соплеменников скрытных и излишне жестоких психопатов.

Предки не любят, когда их тревожат, но искать ответы самому может стать поздно. Руки привычно смешивали травы, помогающие услышать духов. Набив трубку, он не торопясь затянулся, погружаясь в транс и стараясь найти ответы на тревожащие его вопросы. Трубка тлела, распространяя приторно горький дым. Докурив и приведя полученные образы в порядок, шаман успокоился — перемены не несли в себе угрозу клану, духи не чувствовали зла, ом'риггор *(прим.: праздник совершеннолетия)* Аргнака уже скоро, он и решит вопрос, останется ли тот жить.

Ответ духов принёс мир в душу Хатгаута. Покряхтев, шаман поднялся, поминая старые кости, разобрал вещи и разложил обратно в короб зелья, не приготившиеся в исцелении ученика. Перекусив вяленным мясом и надев на шею ожерелья из костей, он пошёл по стойбищу, проверяя, не нужна ли кому помощь, и предупреждая об отравленном ручье.